

XXV СЪЕЗД БРЕЖНЕВА

1. Новый стиль

Мы это видели по телевизору. Крупными размеренными шагами солдафона, с напыщенным взглядом вельможного сановника человек вышел на трибуну и начал читать с листа: „Пленум единогласно избрал Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища Брежнева Леонида Ильича”. Бурные аплодисменты отлично выдрессированного зала переходят не то что в овацию, знакомую нам еще со сталинских времен, а в нечто вроде девятого вала: пять тысяч человек в зале и тысячи гостей в ложах как по команде вскакивают с мест и неистово кричат: „Ура, ура, слава, слава...” Так продолжалось бы долго, если бы оратор на трибуне властным движением руки в сторону президиума не сделал жеста, означающего „хватит, садитесь!”. Оратором на трибуне был сам Брежнев. Только после сообщения о собственном избрании он объявил состав Политбюро и Секретариата ЦК, везде называя свое имя не по алфавиту, а первым. Между тем, порядок оглашения результатов выборов во всей истории КПСС до Брежнева бывал обратным. Обратным он должен был быть и сейчас, ибо по Уставу партии (параграф 38) в иерархии исполнительных органов партии ее генеральный секретарь занимает последнее место: на первом месте стоит Пленум ЦК, на втором — Политбюро, на третьем — Секретариат и только на четвертом месте

генсек, подчиненный всем этим трем органам. Тогда чем объяснить поведение генсека — притуплением элементарного чувства личной скромности или желанием продемонстрировать, что эра Политбюро кончилась и отныне он единоличный диктатор партии и государства? Ни то, ни другое. Он играет роль в пьесе того политического театра, который называется „съезд партии”, но который перестал им быть с тех пор, как перестала существовать сама партия. Пьесу написал не он — ее написали безымянные авторы из „треугольника диктатуры”: партаппарат, политическая полиция и армия. Режиссер пьесы — Политбюро, а генсек — лишь ведущий актер. Конечно, всезнающие кремлевские астрологи на Западе будут вещать в один голос: Брежнев теперь единоличный хозяин. Как это ни покажется странным, именно такую цель — создать во внешнем мире впечатление о всемогуществе генсека — и ставили перед собою авторы и режиссеры пьесы, превращая XXV съезд в оргию славословия по адресу Брежнева. Вопреки всем заклинаниям идеологических шаманов партии, коммунистическая диктатура не может существовать без „культа” ее вождей. Разница только в том, что все ее бывшие вожди завоевали право на „культ” либо своим интеллектуальным превосходством (Ленин), либо чудовищным масштабом своих преступлений (Сталин), либо разоблачением на весь мир этих преступлений (Хрущев), а Брежневу, не имеющему ни одного из этих преимуществ, искусственно создают „культ”, чтобы превратить генсека в надежный инструмент в руках олигархии, достаточно авторитетный во внутренней политике и столь же импозантный для внешнего представительства ее интересов. Поэтому считать нынешние собрания партийной элиты „съездами” партии — явное недоразуме-

ние. Последним действительным съездом партии был X съезд (1921), на котором еще можно было выражать мнения и взгляды, расходящиеся с аппаратом ЦК („Рабочая оппозиция”, оппозиция „децистов”). Именно на этом съезде Ленин объявил в партии продолжающееся и поныне перманентное „осадное положение”, запретив в ней всякое инакомыслие, расходящееся с волей ЦК (резолюция „О единстве партии”), и вручив тем самым будущему генсеку Сталину то безошибочно действующее орудие, при помощи которого генсек свел на нет всякое значение суверена партии — партийного съезда, — пока вообще не отказался от практики созыва съездов (Устав 1939 г. требовал обязательного созыва съезда не реже одного раза в три года, но последний, XIX, съезд партии при Сталине происходил через 14 лет после XVIII, и то вопреки воле диктатора). После Сталина съезды начали созывать аккуратно, но на самом деле это не съезды (называть их этим термином — политический анахронизм), а торжественные парады предельно вымуштрованных партократов и государственных бюрократов вкупе с знным количеством статистов из рабоче-колхозной аристократии — для „общенародного” фона. Поэтому вполне естественно, что эти собрания и не работают так, как съезды партии работали при Ленине или как съезды политических партий (в том числе и коммунистических) работают на Западе. Не создаются секции или рабочие группы, не устраиваются дискуссии по спорным или неясным вопросам, потому что спорных и неясных вопросов нет, все вопросы задолго до открытия съезда решены мудрой олигархией. Заботливый ЦК, взяв всю эту работу на себя, освободил каждого делегата съезда от тяжелой обязанности думать своей головой. Более того, аппарат партии по-

заботился выделить бойких борзописцев для составления речей тех, кто выступит на съезде. В них сказано все: какой у нас мудрый ЦК, выдающийся генсек и величайшие успехи; что сверх этого — то от лукавого. В конце каждой речи у всех ораторов стоит одно и то же примечание: „Продолжительные аплодисменты”. Оратор хорошо знает неписаное правило игры: оторваться от шпаргалки и позволить себе какую-либо импровизацию — значит вылететь из „номенклатуры”. Протоколы съездов партии при Ленине пестрят ремарками: „смех”, „оживление”, „протест”, „одобрение”, „волнение”. Там каждый оратор — яркая личность, критикующая самого Ленина, осмеивающая диктаторские повадки партаппаратчиков, цитирующая даже антисоветские анекдоты, если они бьют в цель. Ничего подобного вы не найдете в протоколах брежневских съездов: здесь каждый оратор — то автомат, выстукивающий очередную передовицу „Правды”, то нотариус, свидетельствующий величие генсека, а то просто манекен, заменяющий на трибуне живое „я” самого же оратора.

Еще одно отличает брежневские съезды от старых съездов. Ленин, как и все политики его школы, никогда своих докладов не писал, он составлял тезисы и по ним импровизировал. Впервые практику письменных докладов и прений ввел Сталин, но свой собственный доклад писал он сам, пользуясь материалами аппарата ЦК. Хрущев умел импровизировать, но не умел писать. Поэтому его доклады писали другие, такие же бесталанные и скучные, как и сейчас (кроме эпохального доклада о Сталине на XX съезде), зато его импровизации, пусть внешне и необтесанные, всегда были дерзкие, вызывающие, полные народного юмора, со ссылками больше на

Библию, чем на Маркса и Ленина. Для Брежнева доклады пишет целый штаб высококвалифицированных идеологических экспертов, у которых отсутствие творческой мысли и литературного блеска вполне компенсируется безбрежностью многословия и скрупулезностью бюрократических формулировок. Авторы „Отчетного доклада ЦК”, как бы намеренно, вопреки Некрасову, стараются, чтобы здесь мыслям было тесно, а словам просторно. В довершение ко всему генсек читает этот доклад так скучно и монотонно, с полнейшим внутренним безразличием к читаемому тексту, что вы не совсем уверены, понимает ли он сам то, что читает. Иностранные наблюдатели в ложах съезда удивлялись: если в речи докладчика нет ни нюансов в произношении, ни акцентировки важнейших мест текста, то как же в зале догадываются, в каких местах доклада надо отпускать „аплодисменты”, „продолжительные аплодисменты”, „бурные аплодисменты” (тут механика проста: зал реагирует так, как реагирует знающий дело первый ряд президиума).

Многословие генсека совсем не означает богатства его словарного фонда. Напротив, лексикон его крайне ограничен и стандартен, но зато каждый политический термин или даже юридическая категория в этом лексиконе может иметь не только двойственное, но и прямо противоположное значение по отношению к общепринятому понятию. Это всеми отмечено (например, двойственность языка Кремля в международной политике и дипломатии). Но то же самое действительно и в отношении многих понятий партийного жаргона и во внутренней политике. Приведем элементарные примеры: „бороться за усовершенствование социалистической демократии” — во все не значит, что надо расширять рамки „демокра-

тии”, совершенно напротив — это значит еще больше сузить ее рамки, усовершенствовав тотальность бюрократической опеки государства над своими гражданами. „Поднять руководящую и направляющую роль партии в советском обществе” — это значит, что партия призвана и обязана вмешиваться в личную жизнь не только коммунистов, но и беспартийных граждан (например, в жизнь родителей, воспитывающих своих детей в духе общечеловеческой морали и религиозности). Или — другой пример: пятый, заключительный раздел международной части своего доклада генсек обозначил так: „КПСС и мировой революционный процесс”. Но это чисто эзоповский прием. На самом деле речь идет не о „мировом процессе”, а о „мировой революции”, но так как эта ленинская терминология давно дискредитирована, то в Кремле придумали ей новый псевдоним: „процесс”. После сказанного о стиле партийных съездов и двуличии партийного жаргона приступим к анализу некоторых узловых проблем доклада Брежнева на XXV съезде.

2. Экономический курс: неосталинизм

Несмотря на всю призрачную внешнюю гармонию, режим Брежнева полон внутренних противоречий между кастовыми интересами трех столпов, на которых он держится: между партаппаратом, политической полицией и армией — с одной стороны, между интересами власти в целом и материальными интересами народа — с другой. Вкратце кастовые противоречия таковы: став после свержения Хрущева равноправными соучастниками „треугольника” верховной власти, — полиция старается еще больше расширить свою власть (иначе говоря, восстановить

свой старый сталинский статус, когда она находилась вне контроля партаппарата), а армия, сыгравшая ведущую роль в свержении того же Хрущева, требует все большего и большего поглощения военной машиной доли социальной продукции. Партаппарат не может ни выпустить политическую полицию из-под своего контроля, ни бесконечно уступать военным, не совершив самоубийства. Противоречия между режимом и народом уже другого порядка — это социальные противоречия, вытекающие из самой структуры советского общества. Это — противоречия между новоклассовой советской буржуазией в лице многомиллионной партийно-государственной бюрократии и трудящимися производительными классами, борющимися за справедливое распределение доходов национальной продукции страны. Если Ленин, от имени которого КПСС сегодня действует, писал, что ни один высший чиновник в Советской России не будет получать вознаграждение большее, чем заработок среднего рабочего („Апрельские тезисы”, 1917 г.; „Государство и революция”, 1918 г.), то почти через 60 лет после революции дистанция между доходами руководящего бюрократа и среднего рабочего так велика, что ЦК хранит строжайшую тайну о данных на этот счет.

Но нынешний советский человек живет не хлебом единым. Это уже не дореволюционный малограмотный или даже неграмотный труженик. Хотя и ценою бесчеловечных жертв, великая индустриальная революция все же перепахала старую мужицкую Русь, а вызванная ею культурная революция радикально изменила общее лицо народа. СССР стал страной сплошной грамотности и многомиллионной интеллигенции с неистребимой жадностью приобщения к научно-техническим, а главное — к духовным и

гуманистическим достижениям мира, к западной цивилизации. Возрастающее давление этого интеллектуального слоя советского общества составляет другой вид противоречий между властью и народом. Последнего противоречия власть больше всего и опасается, ибо она не без основания считает, что *ферменты разложения* существующей системы рекрутируются из среды интеллектуалов, яркими представителями которых и явились в 60-х годах участники Демократического движения и Движения прав человека во главе с академиком Сахаровым и генералом Григоренко. Конечно, партия приняла участие в спонтанном процессе общенародной культурной революции, но она не создала, вопреки своим стараниям, ни новой, коммунистической культуры, ни новых духовных ценностей, ни советского народа как новой национально-социальной общности. Все нации страны, а их больше ста, несмотря на всю антинациональную вивисекцию партийных идеологов, за эти шесть десятилетий удивительным образом сохранили в абсолютной неприкосновенности свою этническую аутентичность. Тем самым обанкротилась как утопия Ленина о слиянии всех наций, так и русификаторская практика великодержавных коммунистических ассимиляторов. Таково четвертое противоречие — противоречие между советским идеократическим колониальным режимом нового типа и угнетенными народами, ярким проявлением чего и явилось национальное движение украинцев, евреев, крымских татар, прибалтийских народов, националистов Кавказа. Таковы *структурные*, органические противоречия, заложенные в характере самой системы, ослабление, а тем более ликвидация которых невозможны иначе, как *коренным изменением* природы режима. Но есть в советской системе также

функциональные противоречия, которые можно было бы ликвидировать изменением направления общей политики и пересмотром приоритетов экономической политики. К этой категории противоречий в области экономики я отношу: 1) бич и душитель хозяйственного самотворчества народа — сталинский Госплан и всю его безмозглую бюрократию (вопреки басням пропагандистов, планируют и капиталисты, но в центре их планирования стоят интересы человека, а не молох-партия); 2) антинародную доктрину Сталина о приоритете интересов власти перед интересами человека, выраженную в известной формуле: „преобладающее развитие тяжелой промышленности перед легкой промышленностью”; 3) нежелание отказаться от окончательно обанкротившейся колхозной системы, являющейся *причиной и следствием* деградации сельского хозяйства; 4) беспримерную в истории России, невозможную при парламентской демократии и при наличии свободной печати *тотальную коррупцию* аппарата власти: наверху — как узаконенные привилегии „нового класса”, внизу — в виде присвоения государственной собственности, взяточничества, подкупа, продажности бюрократов при их полной круговой поруке.

Рассмотрим на этом общем фоне жизни в СССР ту часть доклада Брежнева, которая посвящена внутренней политике. Прежде всего доклад полон казенного оптимизма — как велики наши успехи, какой хороший у нас народ, какая славная наша партия, какие мудрые ее секретари! В то же время поражает отсутствие открытой постановки острейших проблем, которыми живет страна. Это, однако, не значит, что острые проблемы руководству неизвестны и его не тревожат. Сам же Брежнев заметил:

„Да, мы знаем, что не все проблемы еще решены. Лучше всех наших критиков знаем мы свои недостатки, видим трудности” („Правда”, 25.2.76, стр. 9). Но о них Брежнев говорит на партийном жаргоне, предлагая те же самые старые паллиативные меры, которые уже тысячу раз испробованы безо всякого влияния на общую ситуацию. Экономическую эффективность и социальную справедливость каждого строя, независимо от того, как он сам себя называет — „капитализмом”, „социализмом”, „национал-социализмом” или иначе, — надо мерить по тому, насколько высок стандарт материальной жизни его жителей и как широк диапазон их гражданских прав и духовных свобод. Доклад Брежнева по существу был отчетом советского социализма за почти 60 лет его абсолютного господства в политике и экономике. Каковы же результаты? По производству некоторых видов стратегического сырья и по качеству и количеству военной индустрии СССР вышел на первое место в мире, а по количеству и качеству гражданской индустрии далеко отстает от Запада. Зарплата не перешагнула еще за сталинский „железный максимум”. Брежнев обещал повысить эту зарплату в 1980 г. на 16-18%, то есть максимум до 170 руб. Но фактически реальная зарплата останется на нынешнем уровне, ибо, как подсчитали специалисты, в СССР существует скрытая инфляция не менее 5%, а на колхозном рынке продукты продаются на 60% дороже, чем у государства.

Вопреки всем известным фактам, оказывается, „расцветает” и советское сельское хозяйство: „...сельское хозяйство продолжало наращивать производство. По сравнению с восьмой пятилеткой среднегодовой объем всей продукции был выше на 13 процентов. На 14 миллионов тонн увеличился

среднегодовой сбор зерна. Возросло производство мяса, молока и других продуктов животноводства” (там же, стр. 5). (Между тем в СССР широко гуляет анекдот: „Хлеб сеем в СССР, а урожай собираем в США”). Доход колхозников обещают увеличить на 24-27% (нынешняя денежная зарплата колхозника — 55 руб.).

В прошлой, девятой, пятилетке объявили (по крайней мере — на бумаге) приоритет развития легкой промышленности перед тяжелой, поэтому и произошло определенное улучшение в снабжении населения товарами и продуктами. Но теперь новая, десятая, „юбилейная” пятилетка вернулась к сталинскому курсу — к преимущественному развитию тяжелой промышленности. Вот данные Косыгина: прирост продукции за 1976-1980 гг. составит по группе „А” (тяжелая промышленность) — 38-42%; по группе „Б” (легкая промышленность) — 30-32%, то есть прирост легкой индустрии будет на 8-10% меньше прироста тяжелой индустрии. Почему же партия отказывается от продолжения курса по поднятию стандарта жизни народа и возвращается к Сталину? Потому что между хлебом и ракетами существует прямая связь (недаром в СССР говорят: „Мы запустили спутник и сельское хозяйство”). Невозможно то и другое иметь одновременно, если ты себе ставишь целью не подготовку к обороне, а подготовку к наступательной войне, да еще финансируешь „мировой революционный процесс”. Чтобы показать эту связь, приведем новейшие данные западных военных специалистов о советских расходах на вооружение. По этим данным, Советский Союз тратит на военные нужды на 40% больше, чем США. Военные расходы СССР в 1975 г. составили 114 млрд., американские — 80 млрд. долларов („Зюддейче цай-

тунг”, 2.3.76). Особенно резко начали расти военные расходы СССР как раз в период правления Брежнева: за эти 12 лет они выросли на 35%, а численность Советской армии, которую Хрущев хотел уменьшить, еще более возросла — она составляет сегодня (без внутренних войск МВД и пограничных войск КГБ) 4,4 млн. (на 1 млн. больше, чем при Хрущеве), в то же самое время США сократили свою армию на 1,5 млн. и она составляет теперь 2 млн. человек. Количество межконтинентальных ракет в СССР выросло за то же время с 224 до 1600. Заново создан при Брежневе советский военный флот (249 военных кораблей крупного тоннажа) („Зюддейче цайтунг”, 23.2.76).

В Кремле вынашивают планы не только глобального, но и космического господства. Поэтому небо кишмя кишит советским ракетами. Только за 1975 г. Советская армия запустила в космос 62 военных спутника, а США только 9 („Вельт ам зоннтаг”, 29.2.76). В общем итоге, США, при объеме национальной продукции (валовой сбор) вдвое больше советского, расходуют на военные нужды только 6%, а расходы СССР на военные цели превысили американские на 12 млрд., что составляет 12% его национальной продукции. Руководители Пентагона сообщили Конгрессу, что СССР в 1975 году построил в четыре раза больше танков, в два раза больше военных самолетов, в четыре раза больше ракет и в три раза больше военных кораблей, чем США („Старс энд страйпс”, 18.3.76).

Об этих общеизвестных на Западе гигантских военных расходах СССР Брежнев не сказал ни слова. Не дал он ответа и о том, во что обошлась Советскому Союзу победа коммунистов во Вьетнаме, Лаосе, Анголе, сколько ему стоит поддержка Кубы, аван-

туры компартии в Португалии, финансирование локальных войн в Азии и Африке, содержание коммунистических партий и их попутчиков в других странах. На них ведь тоже идут миллионы и миллиарды за счет самых насущных жизненных интересов советских людей. Вот элементарный пример неподотчетности и безответственности правительства Брежнева: американский Конгресс запретил президенту Форду оказывать материальную помощь прозападным армиям националистов Анголы, а члены Верховного совета СССР узнали только из иностранных радиопередач, что 15 тысяч кубинских солдат, с советскими танками и ракетами, были отправлены в Анголу на советские деньги (и это тоже одна из причин, почему Брежневу мешают западные радиопередачи).

Такова связь между хлебом и ракетами, между низким стандартом жизни советских граждан и чудовищным аппетитом советской военной машины. Но есть и более глубокие внутренние причины общего *перманентного кризиса недопроизводства* советской экономики — это *органический порок* самой хозяйственной системы. „Хозяйство без хозяина” — вот короткое обозначение этого порока. Сошлемся на общеизвестные факты: на Западе, при „капитализме”, в три-четыре раза выше производительность труда, то есть в три-четыре раза выше эффективность производства, чем в СССР. 4 млн. фермеров США кормят больше народа, чем 30 млн. колхозников. Поэтому стандарт жизни западного человека в три-четыре раза выше, чем советского (странная ирония судьбы: Кремль называет свой строй „развитым социализмом” на переходе к коммунизму, а по стандарту жизни своих граждан СССР стоит на предпоследнем месте даже среди „неразвитых социализ-

мов” в восточном блоке; позади него — только Румыния). Да, на Западе есть и безработные, но западные безработные получают пособие, превышающее зарплату среднего советского рабочего, и содержат на это пособие семью, а получать его ездят на собственных машинах. Кстати, все это иллюстрирует банкротство того знаменитого „железного закона капитализма” Маркса, которому и до сих пор учат в партшколах советских граждан: развитие капитализма сопровождается абсолютным обнищанием пролетариата, господствует закон пауперизма, который Маркс назвал „абсолютным всеобщим законом капиталистического накопления”. Исчезает якобы средний класс. Образуются два полюса: полюс нищеты и полюс богатства. Все это оказалось фантазией. Развитие пошло в обратном порядке. Надо быть заведомым лицемером или безнадежным невеждой, чтобы отрицать следующую закономерность: *чем развитее и выше уровень капитализма в той или иной стране, тем разностороннее и выше уровень жизни трудящихся, а чем развитее и выше уровень „социализма”, тем ограниченнее и ниже уровень жизни его граждан.* Причины этого две, причем одна из них была найдена еще Лениным. Он объявил первый опыт большевиков по непосредственному переходу к коммунизму порочным — ввиду его хозяйственной неэффективности. Причину последней Ленин видел в том, что не было у советских людей личной материальной заинтересованности, — поэтому он ликвидировал „военный коммунизм” и ввел нэп. Вот тогда-то и началась „золотая эра” советской экономики: магазины были полны товарами и продуктами, а в советском сельском хозяйстве в первый и последний раз был кризис перепроизводства продукции. Хлеба было так много, что XII

съезд партии (1923) вынес постановление направить все усилия на поиск внешнего рынка для советского хлеба. Так продолжалось лет шесть-семь. Была коммунистическая диктатура, „командные высоты” большой индустрии находились в руках государства, но мелкая и средняя легкая индустрия, как и индустрия сервиса были объявлены свободными, то есть частными. Земля формально все еще считалась национализированной, но она была отдана крестьянам на началах трудового пользования. Крестьянин был полным хозяином плодов своего труда, а государству отдавал только заранее определенный продовольственный налог. Излишки он свободно продавал на рынке. В глазах Сталина у этого порядка был один существенный недостаток — при нем государство зависело от крестьян: надо было сделать так, чтобы крестьяне зависели от государства. Поэтому он в конце 20-х годов ликвидировал нэп и ввел продолжающееся и поныне государственное крепостное право. Заодно он ликвидировал и свободную индустрию. С тех пор советская экономика никогда не выходила — и в городе, и в деревне — из кризиса недопроизводства самых необходимых для населения товаров и продуктов питания.

Не менее важна и вторая из двух вышеупомянутых причин — *тотальная бесхозяйственность* партийных хозяев. Это стало настолько общим явлением, что десятая пятилетка объявлена „пятилеткой эффективности”, даже ценой снижения общих темпов развития в сравнении с предыдущими пятилетками. Но как можно объявить один лишь короткий период „эффективным”, если вся хозяйственная система работает неэффективно? Брежнев не отрицает, что беда в неэффективности всей системы: „Для того, чтобы успешно решать многообразные экономи-

ческие и социальные задачи, стоящие перед страной, нет другого пути, кроме *быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства*. Упор на эффективность — и об этом приходится говорить вновь и вновь — важнейшая составная часть всей нашей экономической стратегии”, ибо „из-за неполного использования производственных мощностей мы из года в год недополучаем продукции на многие миллиарды рублей. Это, так сказать, прямые потери. Но, наверное, не меньше теряется и на том, что далеко не все министерства и ведомства идут на активное развитие специализации...” („Правда”, 25.2.76).

Здесь в основном речь идет о тяжелой индустрии (кроме военной, которая всегда работает сверхэффективно). А как обстоит дело с легкой промышленностью (группа „Б”)? Брежнев сообщил: „...Центральный Комитет считает, что положение в отраслях группы „Б” не может нас удовлетворить... Вы помните, что на XXIV съезде говорилось о необходимости решительно изменить отношение ко всему, что связано с удовлетворением повседневных потребностей человека... Приходится признать, что с этой задачей в ее полном объеме справиться не удалось. Мы пока еще не научились, обеспечивая высокие темпы развития тяжелой промышленности, ускоренно развивать также группу „Б” и сферу обслуживания” (там же, стр. 6). Тут положение кристально ясное: 1) советская экономическая система, опирающаяся не на творчество масс, а на тупоумную бюрократию Госплана, — сама по себе неэффективна; 2) невозможно иметь сразу и много хлеба, и много ракет (Геринг жил в доракетную эпоху — поэтому его лозунг гласил: „вместо масла — пушки!”, а Кремль требует: „вместо хлеба — ракеты!”).

Как же Брежнев собирается выйти из этого общего советского хозяйственного кризиса недопроизводства, неэффективности, бесхозяйственности? Брежнев, как и его соратники, — политик с бюрократическим образом мышления. Поэтому он и панацею от всех зол советской экономической системы ищет не в сфере политической и социальной, а в сфере бюрократической и управленческой. Поэтому он не нашел нэп, как Ленин, а нашел „нэм”, „новый экономический механизм”, заимствованный, по крайней мере терминологически, у венгров (у них новый экономический курс так и называется „новым экономическим механизмом”). Как на деле будет выглядеть вновь созданный „хозяйственный механизм”, ни Брежнев, ни Косыгин не доложили съезду. Брежнев сказал, что разработаны и утверждены „генеральные схемы управления”, „мы можем и должны ускорить перестройку хозяйственного механизма” (там же, стр. 6). Между тем, альтернатива нынешней бесхозяйственной системе только одна: *коренной поворот во всей экономической политике наподобие нэпа. Это значит — сохраняя в руках государства „экономические высоты”, провести денационализацию легкой промышленности, приватизацию сферы обслуживания, деколлективизацию сельского хозяйства, легализацию рынка.* Эта программа выглядит антисоветской только через сталинские очки, но, сняв эти очки и присмотревшись к „сокровищам ленинизма”, каждый коммунист легко увидит, что тут речь идет о ленинском нэпе, который Ленин и партия объявили в свое время программой „всерьез и надолго”, программой на целую „историческую эпоху”. Иного выхода у Кремля нет. То, что сейчас Брежнев предлагает, обречено на провал так же, как провалились на наших глазах бесчисленные „реорганизации” Хрущева.

3. Партия и общество

Советских коммунистов обвиняют, что у них в стране только одна партия. Это не совсем точно. У них много „партий”, только они сидят, наподобие русской куклы „матрешки”, последовательно одна внутри другой. Сначала идет собственно сама „большая партия” — около 16 млн. членов и кандидатов КПСС; потом вторая партия внутри первой — это 4 млн. членов партийных комитетов всех уровней; далее — около 400 тыс. профессиональных партаппаратчиков внутри этого „комитетского корпуса”; наконец, „элита элиты” — около 30 тыс. партийных секретарей: от райкомов до ЦК КПСС. Власть в государстве эти „партии” делит по принципу величины своей: чем меньше численность „партии”, тем больше у нее власть. Шестнадцатимиллионная КПСС не имеет никакой реальной власти. Ею и Советским Союзом правят 30 тысяч секретарей. Поэтому-то Карл Радек острил: „В СССР не диктатура пролетариата, а диктатура секретариата!”

Таково иерархическое деление партии по *вертикали*, иллюстрирующее построение пирамиды коммунистической диктатуры, с рядовой партийной массой в основании, с „комитетским корпусом” в середине, с „секретарским корпусом” наверху и с Политбюро на вершине. Но есть и деление партии по *горизонтали* — то, что американцы называют „социальной стратификацией”, а именно: социальное расслоение партии на „партийную буржуазию” (привилегированный класс) и на „партийный пролетариат”. Как началась эта социальная дифференциация внутри партии, изложено в классическом труде Милована Джиласа „Новый класс”; о том, как этот „новый класс” сегодня живет, рассказывает московский

корреспондент газеты „Нью-Йорк таймс” Гедрик Смит. То, о чем говорит Смит, для нас не ново, но это еще одно веское опровержение заявления Брежнев на XXV съезде о том, что „у партии нет секретов от народа” (там же, стр. 7). Неправда, есть такие секреты: партия живет двойной жизнью — аскетической жизнью на виду у народа, в роскоши и изобилии втайне от народа. Впрочем, Косыгин признался на съезде, что партия давно отказалась от „ленинских норм” партийного аскетизма: „Коммунисты — не сторонники аскетизма, искусственного ограничения потребностей людей” („Правда”, 2.3.76, стр. 6). Но аскетизм снят только для „нового класса”. Об этом и рассказывает Смит. Вот некоторые его наблюдения:

„В конце каждой недели на улице Грановского, в двух кварталах от Кремля, разыгрывается одна странная сцена: в две колонны стоят до блеска вычищенные лимузины „волги”, моторы включены, шоферы внимательно смотрят в зеркала заднего вида. Они уверенно паркуются и вне зоны остановки, нисколько не заботясь о запрете и милиции. Все их внимание обращено лишь на вход в дом Грановского № 2. Окна этого унылого, песчаного цвета дома закрашены. На вывеске написано, что здесь в 1919 г. выступал Ленин... Другая вывеска гласит: „Паспортный стол”. Однако не каждый здесь может получить „паспорт”, его могут получить только работники ЦК КПСС... Из дома выходят мужчины и женщины с большими пакетами и садятся в ожидающие их машины... Люди с пакетами принадлежат к советской элите. Они берут продукты в магазине (распределителе), который намеренно не обозначен как таковой и в который имеют доступ только люди со специальными пропусками. Целая сеть таких засекреченных

магазинов находится в распоряжении верхнего слоя советского общества — в распоряжении боссов, которых один советский журналист непочтительно назвал „наше коммунистическое дворянство”. В этих специальных магазинах элита получает редкие русские продукты (икру, осетрину, семгу, водку экспортного качества), заграничные продукты и товары без пошлины и по умеренной цене (французский коньяк, шотландское виски, американские сигареты, швейцарский шоколад, итальянские галстуки, австрийские сапоги, английское сукно, французские духи, немецкие транзисторы, японские магнитофоны)... Система привилегий создана строго по иерархическому принципу: чем выше ранг, тем больше привилегий. На первом месте стоят члены и кандидаты Политбюро, члены ЦК, Верховного Совета, министры. Все они имеют право на „кремлевский паек”. Это означает, что все они снабжаются бесплатно. Для них в Кремле и в здании ЦК созданы специальные магазины. Старые большевики, вступившие в партию до 1930 г., имеют собственный распределитель в трехэтажном доме на Комсомольской улице. В другом месте находится распределитель с умеренными ценами — для маршалов и генералов, потом идут распределители для видных ученых, космонавтов, хозяйственных руководителей, Героев социалистического труда, далее следуют распределители для видных писателей, артистов, звезд балета, награжденных орденом Ленина, редакторов газет и чиновников московского горсовета... На третьем этаже ГУМа, в глухом углу, находится „Отделение 100”, — это тоже распределитель для элиты... В Военторге, в подвале, имеется засекреченное помещение, где могут покупать только офицеры. По всей Москве разбросаны портняжные мастерские, па-

рикмахерские, прачечные, химчистки, мастерские по разным бытовым услугам, продуктовые магазины — их около ста и они обслуживают избранный круг лиц тайно... Муж одной советской журналистки заметил: „Для тех, наверху, коммунизм уже построен...” Привилегии есть дивиденды политического свойства. Господствующая система привилегий резервирует все лучшее исключительно за тем классом, который Милован Джилас назвал „новым классом”... К нему принадлежит солидная часть советского общества — около 1 млн. человек (из 30-миллионной интеллигенции). Эту систему часто называют в СССР „номенклатурой”, она охватывает всех партийных функционеров, от села до Кремля. В каждом областном городе имеется сеть закрытых распределителей, предназначенных только для элиты. „Номенклатура” функционирует как само себя увековечивающее, само себя размножающее братство, как закрытое общество. Обычным членам партии это акционерное общество не платит дивидендов (цит. по журналу „Шпигель”, № 9, 1976). Не только народ, но и рядовая партийная масса ничего подобного не видит от этого „коммунизма”. Впрочем, что такое „коммунизм”, лучше всех определил украинский остряк: „Коммунизм — это кому — на, кому — ни, кому дуля, кому дви”. А Брежнев нас хочет уверить, что „у партии нет секретов от народа”, тогда как партаппарат имеет секреты не только от народа, но и от своей партии.

XXV съезд КПСС и был съездом этой советской элиты — этого привилегированного „нового класса”. Вот данные Мандатной комиссии съезда — из 4998 делегатов съезда на „социально-деловые группы” „нового класса” приходилось:

1. 1 807 человек партократов (из них 1 114 секре-

тарей партии, от райкомов до ЦК; 693 партаппаратчика в Советах, профсоюзах, комсомоле);

2. *1 703 технократа* (от министров до руководителей всех отраслей промышленности);

3. *887 служащих и специалистов сельского хозяйства* (директора совхозов, председатели колхозов, заведующие фермами);

4. *314 маршалов, генералов, адмиралов, высших офицеров*;

5. *272 представителя научных, писательских, педагогических и медицинских кругов.*

Что XXV съезд был съездом избранной партийной элиты, подтверждают и „декоративные” данные — 98% делегатов имели по несколько орденов и медалей. Конечно, на съезде были „рабочие” и „колхозники” тоже, но они играли свою обычную роль статистов „от народа”. 3 897 делегатов вступили в партию после войны, по возрасту — 70,5% делегатов моложе 50 лет; на съезде были представлены 60 национальностей; 25,1% делегатов женщины („Правда”, 28.2.76). (Этот, относительно молодой, съезд избрал ЦК со средним возрастом около 60 лет, а Политбюро — 66 лет.) 73,5% делегатов принадлежали к „брежневскому призыву” — они только при Брежневе сделали карьеру и впервые присутствовали на съезде партии. Понятно, что такой съезд, еще больше, чем предыдущие два съезда Брежнева — XXIII и XXIV, — превратился в необузданное словоблудие по адресу Брежнева. Кончая раздел доклада о партии, Брежнев под аплодисменты съезда заявил: „Не может быть партийным руководителем тот, кто теряет способность критически оценивать свою деятельность, оторвался от масс, плодит лстецов и подхалимов...” („Правда”, 25.2.76, стр. 7). Если бы Брежнев решил применить этот принцип к самому

себе, то он должен был бы немедленно уйти в отставку, а что касается выступлений на съезде, то речь каждого оратора пришлось бы сократить: первую половину — из-за подхалимажа к генсеку, другую половину — из-за отсутствия у ораторов малейшей способности критически оценить ситуацию в партии и стране.

Ни одной из острых проблем духовной жизни, которыми живут мыслящие люди советского общества, Брежнев также не поставил. Но жизнь их давно поставила. Впервые в истории режима после Кронштадта из недр народа выросло Демократическое движение, которое написало на своем знамени магические слова „свобода и права человека”; выросло национальное движение за право самосохранения (крымские татары); за право выезда из СССР (евреи); за национальную независимость (Украина, Прибалтика), за право на выход из СССР (Армения). В стране происходит, в противоположность западному миру, буквальное возрождение к жизни всех религий: христианства, иудейства, ислама, буддизма. Реакция КПСС и КГБ на них общеизвестна: бесчисленные судебные процессы, концлагеря, психотюрьмы. По отношению ко всем этим проблемам генсек предпочел „страусовую политику” — прятать голову в песок.

Зато накануне съезда ведущие органы партии и правительства — „Правда” и „Известия” — получили задание разъяснить народу, особенно интеллигенции, что этих проблем в СССР вообще нет. Отсюда интервью с председателем Комитета по делам религии и церкви при Совете Министров СССР в „Известиях” — „Советский закон и свобода совести” (31.1.76) и статья в „Правде” — „О свободах подлинных и мнимых” (20.2.76). Несмотря на агрессивный дух ком-

мунистической идеологии вообще, обе статьи свидетельствуют, что КПСС сегодня вынуждена переходить к обороне под большим давлением изнутри и из-за широкой огласки, которую чекистские репрессии получили в международной печати. Обороняясь, советское руководство сочиняет новые легенды, модернизирует старую ложь, перекладывает иные преступления — если они становятся достояниями мировой общественности — на своих добросовестных исполнителей. „Известия” пишут, что это советологи „пустили в оборот грязную выдумку, будто в СССР нет свободы совести”, а на самом деле, утверждает газета, „в нашей стране все делается для обеспечения свободы совести”, „наше законодательство о религиозных культах является самым гуманным и демократическим в мире”, но вот — оговорка газеты: „Однако, как говорится, в семье не без урода. У нас есть еще своего рода церковные или околоцерковные экстремисты, которых приходится привлекать и к судебной ответственности”. Этими „экстремистами” „Известия” считают мучеников за веру и за верующих Якунина, Дудко, Винса, Регельсона и других многочисленных лояльных советских граждан, сидящих в лагерях и тюрьмах только за веру и из-за веры.

В этом же плане составлена и статья „Правды”. Оказывается, демократические свободы и права человека на Западе — это обман (и тут в доказательство цитируется Ленин), а СССР — страна небывалого расцвета духовных свобод и гражданских прав. Поэтому „в нашей стране нет реальных антисоциалистических сил, враги социализма вознамерились нанести ему удар, используя кучку так называемых диссидентов”. Оказывается, это буржуазная пропаганда сочинила „ряд фальшивых стереотипов; к

ним относятся: домыслы о преследовании в СССР людей за убеждения, о недопущении советскими властями браков наших граждан с иностранцами; о препятствиях, якобы чинимых выезду в Израиль; об отсутствии свободы совести в СССР... Социализм впервые решил проблему свободы совести... Клеветническими являются утверждения, будто в СССР „инакомыслящих” заключают в специальные психиатрические больницы... Что же касается выезда из СССР, то в качестве доказательства „притеснений” ссылаются на факт более чем трехкратного сокращения в 1975 г. (по сравнению с 1973 г.) лиц, выехавших в Израиль. Это произошло потому, что уменьшается число желающих выехать... Лицемерно обвиняют наше государство в том, что оно будто бы не выполняет положений третьего раздела Заключительного акта Совещания в Хельсинки. В действительности СССР scrupulously соблюдает все положения Заключительного акта... Права человека не только реализуются в СССР, но и находят все более широкое международное признание. Примером тому могут служить международные пакты о правах человека, утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН. Характерно, однако, следующее. СССР и другие социалистические страны ратифицировали их. Между тем из развитых капиталистических государств только пять ратифицировали эти документы...”

Говорят, бумага все терпит. Особенно героически терпит та бумага, на которой печатаются „Правда” и „Известия”.

Если генсек не осмелился прямо коснуться этих проблем, хотя бы в такой их постановке, как в „Правде” накануне съезда, то он все-таки затронул их косвенно, торжественно заверив съезд, что

Кремль и дальше будет держать курс на расширение и усиление карательных органов: „...мы уделяем и впредь будем уделять постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции” („Правда”, 25.2.76) и, конечно, КГБ. Но хорошо зная, как боится возрастающего произвола КГБ даже сама партия, Брежнев поспешил успокоить ее: партаппарат постоянно осуществляет „руководство и неослабный контроль” работы КГБ, которая ведется „...на основе строгого соблюдения конституционных норм, социалистической законности” (там же). Коснулся он и роста национализма. Он объявил войну „национализму, шовинизму, неклассовому подходу к оценке исторических событий, проявлениям местничества, попыткам воспевать партиархальщину” (там же). Советские писатели получили от Брежнева новый, уже международный „социальный заказ”. Он призвал советских писателей воспеть „борьбу за освобождение народов, интернациональную солидарность трудящихся в этой борьбе” (там же). Генсек вспомнил и духовное завещание Жданова: „Главным критерием оценки общественной значимости любого произведения, разумеется, была и остается его идейная направленность”, то есть идеалом партии остаются не талант писателя, не художественное величие произведения, а рифмованные передовые „Правды” и бездарные опусы Марковых и Чаковских. Я случайно вспомнил Жданова. Через несколько дней после закрытия съезда, „Правда”, как бы комментируя Брежнева, привела слова именно Жданова: „Кому же, как не нам, возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии, кому, как не нам, наносить ей сокрушительные удары... Социализм стал в порядок дня жизни народов. Ко-

му, как не нам, помочь нашим зарубежным друзьям и братьям осветить свою борьбу за новое общество светом научного социалистического сознания” („Правда”, 10.3.76).

Однако генсек решил успокоить тех писателей и художников, которые давно уже чувствуют, что над ними витает зловещий дух новой ждановщины. Он сказал, что партия поправляла и поправляет тех руководителей, кто творческие проблемы решает административными мерами (вероятно, речь идет о снятии секретаря Московского горкома партии Ягодкина за „художества” его бульдозеров против выставки свободных художников в 1975 г. в Москве).

4. Новая Конституция

Генсек сообщил съезду, что ЦК работает над проектом „новой Конституции СССР”, оговорив, что „работа эта ведется тщательно, без спешки”. Оговорка вызвана желанием оправдать перед страной невыполнение неоднократных обещаний руководства закончить составление проекта „демократической” „новой Конституции”, над которой работают без „спешки” вот уже 14 лет (Конституционная Комиссия была создана еще в 1962 г. во главе с Хрущевым).

Обещаниям партии насчет „демократии” народ хорошо знает цену. Апрельская конференция большевиков 1917 г. приняла резолюцию Ленина, в которой категорически было обещано, что советское государство явится новым „*типом государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества*”. Даже больше. В книге „Государство и революция”, а потом и в Программе

партии 1919 г. Ленин и партия обещали, что — в полном согласии с Марксом и Энгельсом — при социализме восстанавливаются все политические свободы и права, временно ограничиваемые из-за наличия эксплуататорских классов, а дальше пойдет процесс постепенного отмирания государства вообще. Интерпретируя этот главный принцип марксизма в вопросе о государстве, Сталин в 1933 г. заявил, что по „законам диалектики” к отмиранию государства мы придем через его максимальное усиление! Осуществлением на практике этого нового „вклада” Сталина в марксизм-ленинизм и явилось отмирание власти Советов и создание современного тоталитарного государства партии („партократия”) с ее „философией власти”: „Государство — все, личность — ничто”.

Мы помним и другое обещание. В действующей Программе партии 1961 года было торжественно обещано перед всем миром, что к 1971 г. будет завершено создание „материально-технической базы коммунизма” с изобилием материальных благ, а к 1981 г. будет построено в основном и само коммунистическое общество (теперь Брежнев эти обещания тоже обошел полным молчанием) (разумные китайцы говорят просто: „Коммунизм будет построен через 500-1000 лет”).

Бесчисленны такие обещания партии. Старый революционер, долголетний директор Института Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК Д.Рязанов на VII съезде партии открыто разоблачил эту вторую натуру партии — обещать, чтобы выиграть время, лгать, чтобы утаить цели: „Вот перед вами Декларация прав, о которой т. Свердлов в Учредительном собрании говорил, что она будет заменять Декларацию прав Великой французской революции. Дайте

себе труд прочесть эту бумажку и спросить себя: сколько раз вы лгали"? („Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет", Москва, 1962, стр. 75).

Сегодня народам страны нужны не пустые демагогические обещания. Нужны не слова, а *дела*. А самое главное и фундаментальное: нужна не „новая Конституция", а нужна просто *Конституция*! В самом деле, в СССР ведь нет никакой Конституции вообще. Нельзя же всерьез называть Конституцией ту маленькую красненькую брошюру, отцом которой законно считается Сталин, хотя она и носит громкое название „Конституция СССР". Ее подлинная цена обозначена на обложке — 3 копейки. Бросим беглый взгляд на громкие статьи Конституции и кричащую антиконституционную практику СССР:

а) по Конституции СССР „вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся" (ст. 3), а „высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР" (ст. 30), на деле же каждый гражданин СССР знает, что вся власть принадлежит партии, а верховная государственная власть принадлежит Политбюро и Секретариату ЦК КПСС, органам, которые в Конституции даже не названы;

б) в Конституции СССР сказано, что „за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР" (ст. 17), а на деле за одно такое высказывание человека объявляют „буржуазным националистом" и арестовывают;

в) в Конституции СССР обеспечена гражданам „свобода совести", „свобода отправления религиозных культов" (ст. 124), а на деле — преследование веры и верующих;

г) в Конституции СССР сказано: „...гражданам

СССР гарантируется законом: а) свобода слова; б) свобода печати; в) свобода собраний и митингов; г) свобода уличных шествий и демонстраций” (ст. 125), а на деле за малейшую попытку пользоваться легально этими свободами людей сажают в тюрьмы и психотюрьмы;

д) в Конституции СССР сказано: „...обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора” (ст. 127), а на деле КГБ сам себе следователь, сам себе прокурор, сам себе судья;

е) в Конституции СССР сказано: „Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом” (ст. 128), а на деле — перлюстрация писем, произвольные обыски и подслушивание телефонных разговоров есть самая законная из всех незаконных привилегий КГБ. Такова действующая Конституция СССР и практика ее соблюдения.

Демократическое движение Советского Союза требует положить в основу Конституции СССР совсем иные принципы. Великий русский гуманист, трижды Герой социалистического труда, лауреат Нобелевской премии мира академик Андрей Дмитриевич Сахаров еще в 1975 г. предложил внести в советскую Конституцию следующие реформы „как необходимую альтернативу официальной позиции”:

1) полная экономическая и социальная самостоятельность предприятий;

2) частичная денационализация всех видов экономической и социальной деятельности. В особенности существенная частичная денационализация в сфере обслуживания, в мелкой торговле;

3) частичная деколлективизация и государственная поддержка частного сектора;

4) полная амнистия всех политзаключенных, осужденных за религиозные убеждения и национальные стремления;

5) отмена смертной казни;

6) свобода забастовок;

7) серия законов, обеспечивающих свободу убеждений, свободу совести, свободу распространения информации, отмена статей Уголовного кодекса, противоречащих этим принципам;

8) законодательное обеспечение гласности и общественного контроля над принятием важнейших решений;

9) свобода выбора места проживания и работы;

10) свобода выезда из страны и возвращения в нее;

11) запрещение всех форм партийных и служебных привилегий. Равноправие всех граждан как основной государственный принцип;

12) законодательное подтверждение права на отделение союзных республик, права на обсуждение вопроса об отделении;

13) многопартийная система;

14) валютная реформа — свободный обмен рубля на иностранную валюту. Ограничение монополии внешней торговли (Андрей Сахаров. О стране и мире. Нью-Йорк, изд-во „Хроника”, 1975, стр. 69-71).

Комментируя эти требования, академик Сахаров замечает: „Эти реформы я рассматриваю как необходимую предпосылку постепенного улучшения социальной обстановки в стране, улучшения материального положения большинства трудящихся, *создания нравственной обстановки свободы, счастья и*

доброжелательности, восстановления утраченных общечеловеческих ценностей и ликвидации той опасности, которую наша страна как закрытое тоталитарное полицейское государство, вооруженное сверхмощным оружием, представляет для всего мира” (там же, стр. 71). Таких реформ жаждет не только советская критически мыслящая интеллигенция, но и широкие слои рабочих и крестьян. С этими требованиями демократизации режима академик Сахаров обратился не только к мировой общественности, но и прямо по адресу — к советскому правительству. Брежнев не обошел их молчанием. Он ответил Сахарову, не называя его по имени: „...*нравственно* в нашем обществе все, что служит интересам строительства коммунизма... *демократично* для нас то, что служит интересам народа, интересам коммунистического строительства” („Правда”, 25.2.76, выделено мною. — А.А.) Но история ответит иначе. Она терпелива, но она злопамятна и мстительна...

5. Разрядка по-московски

Люди, которые заключают с коммунистами какие-либо договоры, сначала должны были бы составить толковый терминологический словарь — что означает каждое встречающееся в договоре слово по-человечески и по-коммунистически („невмешательство”, „суверенитет”, „демократия”, „свобода”, „права человека” и т.д.). Если бы Рузвельт и Черчилль свои первые заседания со Сталиным на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. посвятили такому „Терминологическому словарю”, сателлиты не перешли бы, словно по наследству, от Гитлера прямо к Сталину, советские войска не стояли бы на

Эльбе, о существовании Кастро никто ничего не знал бы, Советы не искали бы „братьев” в джунглях Азии и Африки. Если точно так же поступили бы и после войны, то коммунистов не соблазнили бы нарушить несостоявшиеся соглашения, а у западного мира было бы меньше блестящих иллюзий и горьких разочарований. Не было бы и последнего, теперь уже всеми признаваемого разочарования, — разбитых надежд по поводу пресловутой „разрядки”: слово, которое президент Форд теперь даже не хочет употреблять, вполне разумно предпочитая ему реалистический „мир с позиции силы”. Безусловно верно, что атомной войне нет другой альтернативы, кроме мира и миролюбивых отношений, но нынешняя так называемая разрядка ни тем, ни другим не является. Она — глобальная Ялта, навязанная Кремлем Америке. Поскольку у американцев даже не было этого слова, то им пришлось заимствовать соответствующий эквивалент у французов в виде благозвучного „детанта”. Американцы поступили бы благоразумней, если бы они это слово взяли непосредственно у самих русских. Тогда они знали бы, что, согласно советскому Толковому словарю Ожегова, „разрядка” означает: 1) *успокоение*, 2) *ослабление*. Если мы из области филологии перейдем прямо в область советского понимания политики „разрядки”, то увидим, что Советы в этот термин с самого начала вкладывали и вкладывают сейчас именно эти понятия: *успокоить врага, чтобы его ослабить*. Главное, такое толкование „разрядки” советские лидеры ни от кого и не скрывали. Они многократно писали и говорили, что „разрядка” предполагает продолжение *идеологической войны* и что мировое господство коммунизма вполне достижимо средствами такой войны, ибо только „разрядка”

и создает благоприятные условия для осуществления целей Кремля, при помощи компартий Запада и националистически-коммунистических сил в „третьем мире”.

Впервые развернутая программа „разрядки” — применительно к современным условиям — была сформулирована на предыдущем, XXIV съезде КПСС. Она была названа, опять-таки двусмысленно, „Программой мира”. Слово „мир” по-русски имеет 9 понятий, три из них относятся непосредственно к нашей теме: 1) земной шар, 2) отсутствие войны, 3) соглашение воюющих сторон о прекращении войны. У англо-американцев для обозначения этих разных понятий есть разные слова: земной шар значит — world, мир между народами — peace. Какой же из этих „миров” провозгласил XXIV съезд? Шла „холодная война”. Всякий политически мыслящий человек знает, что для коммунистов „холодная война” и есть идеологическая война. Но поскольку большевики категорически утверждают, что в идеологической войне не может быть мира, то XXIV съезд провозгласил „Программу мира”, то есть программу для всего мира, для всего земного шара по прекращению „холодной войны” со стороны Запада против СССР, по продолжению идеологической войны со стороны СССР против всего мира.

Но самое удивительное здесь то, что смысл „Программы мира” не поняли на Западе даже тогда, когда автор ее сам же расшифровал эту „Программу” на том же съезде в следующих словах: *„Сегодня мы хотим еще раз заверить наших соратников — коммунистов мира: наша партия всегда будет идти в одном тесном боевом строю с вами... Полное торжество дела социализма во всем мире неизбежно. И за это торжество мы будем бороться, не жалея сил”*

(Материалы XXIV съезда, М., 1971, стр. 22). Итоги этой борьбы за „мир” уже подведены: Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Ангола, советско-германский договор, польско-германский договор, чехословацко-германский договор, договор между двумя Германиями, Хельсинки, неудавшаяся пока Португалия, многообещающие Италия, Франция, Испания, Родезия, Юго-Западная Африка, Южная Африка, Латинская Америка. На XXV съезде Брежнев заявил о своем полнейшем удовлетворении этими достигнутыми успехами „разрядки”. Он с полным правом констатировал: *„Разрядка создает благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма”* („Правда”, 25.2.76).

Запад, наоборот, констатирует, что итоги „разрядки” для него явно отрицательны. Поэтому, вероятно, французский президент во время своего визита в Москву и поставил вопрос о распространении „разрядки” на область идеологической войны, на что генсек ответил коротко: „Нет!” И он был прав: во-первых, как можно заключать мир в идеологической войне, не отказываясь от московской доктрины материальной поддержки революций и гражданских войн в других странах; во-вторых, как можно отказываться от своего личного „традиционного” права проповедовать идеи коммунизма в тылу Запада, сохраняя за собою столь же „традиционное” право выступать против проникновения информации свободного мира в собственный тыл. Известно, что поняв „мир” в „холодной войне” как конец идеологической войны, Запад свернул значительную часть своих идеологических учреждений против коммунизма, а СССР начал, наоборот, разворачивать такие учреждения против Запада. (Один яркий пример: Америка закрыла существовавший 20 лет и во

всем мире признанный благодаря своим добросовестным исследованиям „Институт по изучению СССР” в Мюнхене, а Москва немедленно ответила открытием „Института по изучению США”, во главе которого поставлен человек, избранный на XXV съезде в состав ЦК КПСС.) Генсек еще раз объяснил XXV съезду, как надо понимать „Программу мира”: „Главный смысл ее состоял в том, чтобы... добиться поворота в развитии международных отношений. (...) эту политику мы будем продолжать с удвоенной энергией, добиваясь... обеспечения права народов на свободу, независимость и социальный прогресс. (...) Необычайно широка и разнообразна в современных условиях деятельность нашей партии на международной арене, нет теперь, наверное, такого уголка на земле, положение дел в котором так или иначе не приходилось бы учитывать при формировании нашей внешней политики. (...) Ни один объективный человек не может отрицать, что влияние стран социализма на ход мировых событий становится все сильнее, все глубже...” („Правда”, 25.2.76). Генсек подтвердил, что, пользуясь „разрядкой”, Москва материально помогла созданию новых, „прогрессивных” режимов во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже — в Азии; в Гвинее-Бисау, на островах Зеленого мыса, в Мозамбике, Анголе и т.д. — в Африке. „КПСС всегда оказывала всемерную поддержку борющимся патриотам”, — добавил Брежнев.

В Европе Кремль ставил перед собою ближайшую цель — созыв Европейского совещания, чтобы добиться от западноевропейских стран и Америки „признания сложившихся в результате второй мировой войны территориальных и политических реальностей. (...) Теперь это стало действительностью”

(там же). Брежнев дал понять, что для СССР только эта часть „Заключительного акта” имеет обязывающее значение, что же касается его третьего раздела о свободах и правах человека, о свободном обмене людьми, идеями и информацией между странами, — все это генсек квалифицировал как попытку Запада „использовать этот документ как ширму для вмешательства во внутренние дела стран социализма для антикоммунистической и антисоветской демагогии в стиле холодной войны” (там же). Этим самым генсек еще раз подтвердил традиционную двойственность советского толкования международных договоров — *использование их преимуществ, игнорирование налагаемых ими обязанностей*. Брежнев подчеркнул, как важно в коммунистических целях использовать кризисные явления и забастовочные движения на Западе. Он видит реальные возможности для разложения как „Общего рынка”, так и НАТО. Намеренно не конкретизируя, он все же заметил: „Усилились межимпериалистическое соперничество, раздоры в „Общем рынке” и внутри НАТО” (там же). Генсек обещал в дальнейшем активизировать коммунистическую внешнюю политику и в странах Латинской Америки, явно направляя ее острие против США: „Мы поддерживаем стремления этих стран (Латинской Америки) к упрочению политической самостоятельности и экономической независимости”, — конечно, от США.

В Кремле, видимо чувствуют себя настолько безнаказанными, что генсек предложил Вашингтону ни больше, ни меньше, как полную капитуляцию в мировой политике. В самом деле, найдите другую интерпретацию такому его довольно нахальному заявлению: в США „изображают в превратном виде политику Советского Союза и, ссылаясь на вымышленную „советскую угрозу”, призывают к новому

взвинчиванию гонки вооружений... Были попытки вмешательства в наши внутренние дела... Это не тот язык, которым можно разговаривать с Советским Союзом... Не секрет, что определенные сложности связаны и с теми аспектами политики Вашингтона, которые угрожают свободе и независимости народов, представляют собою грубое вмешательство в их внутренние дела на стороне сил угнетения и реакции. Мы выступали и будем выступать против таких действий" (там же). Странная логика у владык Кремля: как доложил Суслов съезду, КПСС присутствует (в лице 103 коммунистических и прокоммунистических партий) в 96 странах, приславших свои делегации на XXV съезд. Это не называется вмешательством в дела чужих стран. А если Вашингтон окажет помощь все еще свободным странам сохранить свою независимость от коммунизма, — это будет „грубым вмешательством в их внутренние дела". Раньше это называлось готтентотской моралью: если я у тебя украл корову — это хорошо, но если ты у меня украл корову — это уже плохо.

Генсек уточнил „разделение труда" между советским государством и КПСС в области „разрядки": задача органов советского правительства — устанавливать отношения „мирного сосуществования" с чужими государствами, но задача органов КПСС — поддерживать борьбу народов этих государств за свою „свободу и прогресс" („прогресс" по-советски — это развитие, ведущее к коммунизму). Вот соответствующее место: „Иные буржуазные деятели поднимают шум по поводу солидарности советских коммунистов с борьбой других народов за свободу и прогресс. Это либо наивность, либо намеренное затуманивание мозгов. Ведь предельно ясно, что разрядка касается межгосударственных отношений.

Это означает, что споры и конфликты между странами не должны разрешаться войной... Разрядка ни в коей мере не отменяет законов классовой борьбы. Никто не может рассчитывать на то, что в условиях разрядки коммунисты примирятся с капиталистической эксплуатацией..." (там же). Генсек с похвальной ясностью изложил тактику и стратегию КПСС по оказанию помощи мировым коммунистическим партиям в деле окончательного уничтожения западного капиталистического порядка. Брежнев напомнил, что „коммунисты не ждут „автоматического краха капитализма" (как этого ждал Маркс), а полны решимости добиться этого краха через организованную революцию (как это завещал Ленин). Подводя итоги уже сделанному, он заключил: „Сегодня мы вместе с коммунистами других стран можем заявить: путь и основные направления борьбы выбраны верно, совместная работа дает полезные результаты..."

Комментируя доклад Брежнева на XXV съезде в области „разрядки", один из ведущих советских идеологов писал: „Неверно было бы отрывать анализ последствий борьбы сил за международную разрядку от общих тенденций мирового общественно-го прогресса... В обстановке разрядки многие молодые государства вступили в открытое и решительное противоборство с империализмом (т.е. с западными государствами. — А.А.) ... Международная разрядка воздействует и на социально-политические процессы в зоне развитого капитализма. Она содействует активизации здесь революционных движений... В условиях современного обострения общего кризиса капитализма разрядка повышает эффективность борьбы левых сил против милитаризма и антикоммунизма... создает дополнительные возможнос-

ти сплочения всех социальных и политических сил... Как известно, эти возможности успешно реализуются в ряде западноевропейских стран. ... Существенно возросла массовость забастовок в Италии, Франции, Испании, Японии, Соединенных Штатах, Канаде, Великобритании... Борьба то и дело перерастает в выступления против основ экономической и социальной политики правящих кругов... Впереди — новые успехи” („Новое время”, № 11, 1976, сс. 18-20).

Были у советских коммунистов и свои заботы и трудности в области мирового коммунистического движения — продолжающееся обострение „холодной войны” с Китаем и идеологические разногласия с коммунистическими партиями Латинской Америки и Европы (Италия, Франция, Испания). Парадоксальное явление: в разногласиях с этими компартиями догматические позиции Москвы и Пекина абсолютно идентичны, что мы увидим, если уточним понятие *ленинизм*. Ленинизм — это значит то новое и специфическое, что внес Ленин в марксизм, а оно сводится к следующему: 1) единственное средство прихода к власти — насильственная „пролетарская революция”, 2) единственное средство удержания власти — „диктатура пролетариата”. Отнимите у современного марксизма-ленинизма эти два компонента и остается лишь „демократический социализм”, одинаково враждебный по своей сути как московскому, так и пекинскому коммунизму и очень близкий к западному „социал-демократизму”.

Однако история показала, что московско-пекинский коммунизм („ленинизм”) торжествует лишь в отсталых странах, где импонирует сила, а не разум, диктатура, а не демократия. Так было в России, так было в Китае, так может быть в странах „третьего

мира”, но не в Европе. Как раз опыт Португалии и Испании показывает, что Европа не хочет менять одну диктатуру на другую, но некоторые страны не прочь менять свои *социальные системы* мирным путем. Если нынешнее левое развитие в Италии, Франции, Испании, Португалии продолжится в том же направлении, то Генри Киссинджер рискует оказаться пророком: лет через десять Европа действительно может стать „марксистской”. Это поняли компартии названных стран (кроме безнадёжного сталинца Куньяла). Отсюда — глубокая ревизия марксизма-ленинизма итальянской, испанской и французской компартиями путем отказа от концепции „пролетарской революции” и „диктатуры пролетариата”.

Наблюдатели событий единодушно твердят: „тактика!”. И это верно — прийти к власти любыми средствами, а потом скинуть тактическую вуаль. Как раз этого и требует ленинское учение о тактике и стратегии. Давайте вспомним один из заветов Ленина: „Надо соединять строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления” (Ленин, Соч., т. 24, 3-е изд., стр. 23). Я ни минуты не сомневаюсь, что эластичные тактики — Берлингуэр и Марше — тычут догматикам из Кремля эти и им подобные наставления Ленина в оправдание своей политики „исторического компромисса” — в Италии и коалиции левых сил — во Франции. Тактика итальянских, французских и испанских коммунистов — тактика „коммунизма с человеческим лицом”. То, что не удалось в сфере действия танков Варшавского пакта („социализм с человеческим лицом” Дубчека), вполне может удасться под защитой танков НАТО. Латинская Европа беременна таким комму-

низмом. Советский коммунизм пришел в Восточную Европу на советских танках, в Западную Европу он тоже может прийти только на этих танках. Добровольно его ни в России, ни в Европе никто не принимал и не принимает. Наоборот, от него бегут все, как от чумы, кому это удастся. А вот „коммунизм с человеческим лицом” выступает в качестве внутренней альтернативы как против западного капитализма со всякими его неурядицами, так и против советского коммунизма с его звериным ликом. Эта альтернатива совершенно нова, неиспробованна, многообещающа и поэтому для многих миллионов привлекательна. В этом — и величайшая опасность европейского коммунизма с „человеческим лицом”. Если французские, итальянские и испанские коммунисты проявят ленинское мастерство, следуя вышеприведенным рецептам Ленина, то они придут к власти раньше, чем мы это думаем сегодня. И тогда пойдет цепная реакция по остальной Европе. В эту реакцию окажется втянутой и Восточная Европа, не исключая СССР. Вот почему в Кремле смертельно боятся экспериментов итальянцев, французов, испанцев. Дать благословение „европейскому коммунизму” — значит для Кремля подготовить в исторической перспективе собственное харакири; противодействовать ему открыто — значит создать на Западе „второй фронт” идеологической войны против КПСС (первый фронт — это Китай). Такова одинаково неприятная ультимативная дилемма, стоящая перед Кремлем. Поэтому Брежнев обошел эту проблему и начал мямлить о „ревизионизме”, „оппортунизме” и о святости „пролетарского интернационализма” (этот московский код означает право Кремля на гегемонию КПСС над другими компартиями в мире).

В Кремле не верят ни франко-итальянским коммунистическим лидерам, ни их западным критикам, утверждающим, что речь здесь идет только о тактике. Надо согласиться с Москвой: люди, которые открыто заявляют, что они отказываются от двух столпов, на которых возведено здание ленинизма, — от „пролетарской революции” и „диктатуры пролетариата” — уже не ленинцы. Ведь сам Брежнев заявил от имени Политбюро в день столетия рождения Ленина: „Исторический опыт со всей ясностью подтвердил мысль Ленина о том, что особенности развития стран к социализму „могут касаться только не самого главного и что такие „особенности”, как *социалистическая революция и диктатура пролетариата, обязательны для всех*” („Правда”, 22.4.70).

Конечно, европейские коммунисты в первую очередь руководствуются тактическими мотивами, но в политике важны не мотивы, а последствия. Едва ли будет ошибкой предположить, что одним из этих последствий может оказаться новый раскол в мировом коммунизме. На этот раз — раскол на советско-европейский и на западноевропейский коммунизмы. Вот тогда вся Европа — Западная и Восточная — может прийти в движение. Такое движение таит в себе много опасностей, но в нем и много шансов.

1976 г.